

ЕЛЕНА ПАПКОВА

ВОЖДИ, КРИТИКИ, ЧИТАТЕЛИ...

На столбовых и окольных дорогах русской литературы XX века

От научного исследования читатель, как правило, тоже исследователь, редко ждёт ответов на сокровенные вопросы. Скорее – концепций, новых парадигм, неизвестных фактов и т. п. Автор книги “Нэповская оттепель”, член-корреспондент РАН Н. В. Корниенко*, рассматривая формирующиеся в эпоху нэпа (1921–1927) стратегии литературной критики, идеологию и культурную политику этого периода, одновременно ставит те пронзительные вопросы, на которые мы все ищем ответа. Это вопросы о прошлом, настоящем и будущем России, её народа, её большой литературы, которая всегда в нашей истории “добывалась кровью и муками”. Вектор размышления над этими вопросами задан автором в предисловии: “... перед нэповскими политиками стояла задача провести скорейшую модернизацию всего уклада русской жизни, <...> у литературной критики того времени задачи были не менее глобальными по замыслу и масштабу”. “Форсированную модернизацию России как одной из традиционных культурно-исторических цивилизаций” Н. В. Корниенко не случайно называет среди “ключевых в российской истории XX в. метапроблем”. Мы поставлены перед этой проблемой и сейчас – в начале XXI века. Размышления ученого-филолога о “либеральной” нэповской оттепели 1920-х гг.; приведённые в книге многочисленные документы и факты, касающиеся не только литературной борьбы, но и определяющей её борьбы партийно-политической; вдумчивый и тонкий анализ романов М. Шолохова, А. Платонова, Л. Леонова, хранящих в памяти “пласты рассказов об этой борьбе”; исследование поэзии 1920-х гг., ведущей непростой диалог с лирикой С. Есенина, – весь этот колоссальный материал, помимо безусловной научной ценности, обладает ценностью иной. Новая книга Н. В. Корниенко ненавязчиво помогает не забывать, что, сколько бы ни выстраивали политики, партии и литературно-критические школы здание национальной жизни и национальной литературы по своим проектам, есть нечто неуничтожимое, что сохраняет эту жизнь в её истинной сущности.

Имя Натальи Корниенко, историка и текстолога литературы, заведующей отделом русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН, руководителя группы Собраний сочинений А. Платонова, автора книги “Сказано русским языком...” Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе” (2003), известно читателям “Нашего современника” и по журнальным публикациям. В № 11 за 2005 г. напечатана её статья “Авторство” Шолохова как доходная тема, или Почему Андрей Платонов не писал роман

* Н. В. Корниенко. “Нэповская оттепель”: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

“Они сражались за Родину””. Совсем недавно, в № 10 за 2009 г., – статья “Покрой есенинский мне узок...”: Есенин и комсомольская поэзия в 1925–1926 гг.” (материал вошёл в новую монографию).

Новая книга “Нэповская оттепель” состоит из двух частей: “Смена веж: идеология и критика” и “Крестьянский вопрос эпохи нэпа: критика и литература” – и приложения “А судьи кто?” Писатели о критике. 1926 г.”. В него вошли выступления писателей, принявших участие в дискуссии о критике 1926 г. Кроме завершающего книгу приложения, есть ещё одно, внутреннее, – приложение к главе “Покрой есенинский мне узок...”, которое включает двадцать стихотворных текстов, написанных в 1925–1926 гг. литературным молодняком “в ответ” Есенину (в журнальной публикации это приложение отсутствовало).

Обложка и форзацы книги представляют одного из её центральных “героев” – главного идеолога нэпа Л. Троцкого. На первой странице обложки воспроизведен шарж А. Дени “Георгий Победоносец” (Л. Троцкий) из серии “Советский календарь” (журн. “Прожектор”. 1923. № 2). С другой стороны обложки – комментарий к нему, взятый из повести А. Платонова “Сокровенный человек” (1927): “Плакаты были разные. Один плакат перемалевали из большой иконы – где архистратиг Георгий поражает змия, воюя на адовом дне. К Георгию приделали голову Троцкого, а змею-гаду нарисовали голову буржуя; кресты же на ризе Георгия-Победоносца зарисовали звездами, но краска была плохая – и из-под звёзд виднелись опять-таки кресты”. Оформлением первого форзаца служат страницы периодики 1922 г. с характерными заголовками: “Железная когорта революции”, “Диктатура, где твой хлыст?” – и статьями Л. Троцкого о литературе, в 1923 г. составившими его знаменитую книгу “Литература и революция”. На втором форзаце – “Дерево современной литературы” И. Новича (журн. “На литературном посту”. 1926. № 3), где советские писатели представлены в соответствии с классификацией Троцкого: попутчики, мужиковствующие и др.

Роль “второго вождя русской революции” (определение А. Луначарского) в постановке и решении грандиозных задач тотальной переделки русской жизни раскрывается в первой главе монографии на материале статей, выступлений, критических отзывов, писем Л. Троцкого. Борьба с “русским национализмом”, исторической памятью, религией и Церковью, философией культуры; “рационализация” быта – традиционного уклада русской жизни; “пригонка” интересов науки к потребностям новой общественности и т. п. – в таком политико-идеологическом контексте проходило становление советской литературной критики, вознесенной, по словам Н. В. Корниенко, “текущим моментом на ту высоту, на которой она никогда в истории литературы не стояла”. Легендарный нарком становится и главным литературным критиком советской России. Дебютом его в этой роли стала “гневно-патетическая” статья “Диктатура, где твой хлыст?” (опубликована 2 июня 1922 г. в газете “Правда”. Подпись: О.), в которой, как пишет Н. В. Корниенко, “жгуче современные религиозно-церковные вопросы были напрямую адаптированы к ситуации в современной литературной критике”. Спектр этих вопросов широко представлен в монографии. В феврале-марте 1922 г. утверждена государственная программа борьбы с Русской Православной Церковью. В феврале принят декрет об изъятии церковных ценностей. В мае по всей стране идут “суды над церковниками”. Политбюро утверждает расстрельные списки духовенства. Первая глава книги, на протяжении которой в хронологической последовательности представлены основные этапы партийно-политической и литературно-критической борьбы первой половины 1920-х гг., где ведущая фигура – Л. Троцкий (с 1925 г. это место постепенно начинает занимать Н. Бухарин), завершается следующим кратким выводом автора книги: “Привычно называемый ленинским период советской критики 1921–1927 гг. правомее назвать троцкистским и лишь с большой натяжкой – троцкистско-бухаринским”.

В главах 2–5 первой части книги рассмотрены основные литературные группировки эпохи нэпа: “Серрапионовы братья”, “Перевал”, ЛЕФ, “Кузница”, группы, вошедшие в МАПП (“Октябрь”, “Молодая гвардия”, “Рабочая весна”), которая станет организационным ядром Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). Н. В. Корниенко, называя имена ведущих исследователей темы (Г. Белой, А. Галушкина, Е. Добренко, С. Тиминой, Б. Фрезинского и других), практически нигде не вступает с ними в полемику. Избран-

ный ею “метод аналитической хроники и историко-литературного комментария” предполагает анализ каждой литературно-критической школы в предельно широком политическом и литературном контексте, включающем и газетную хронику, и новейшие архивные материалы, и периодику русского зарубежья. Лишь в предисловии отмечено, что при формировании концепций той или иной литературно-критической школы “политические контексты нэпа упростились”, в результате “романтизировались одни группы критиков и демонизировались другие”. Позволим себе указать лишь на некоторые издания, внутренний диалог с которыми угадывается в книге. Заданная в книге С. Шешукова “Неистовые ревнители” (М., 1970) поляризация критических лагерей была продолжена Г. Белой в обстоятельной монографии “Дон-Кихоты 1920-х гг.” (М., 1989; 2-е изд., доп.: Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М., 2004): “По эстетическим и социокультурным параметрам в критике 20-х годов явно просматриваются две модели – та, что была сориентирована на “казарменный социализм” (Пролеткульт, РАПП, ЛЕФ), и та, что считала ближайшей целью развертывание культурной революции (“Перевал”)¹. Идея двух полюсов (моделей) в разной степени нашла своё воплощение в работах В. Агеносова, Е. Елиной, С. Кормилова, Е. Скороспеловой, В. Перхина и др. На основе научных монографий были созданы современные пособия для студентов-филологов: “История русской литературной критики”. Под. ред. В. В. Прозорова. М., 2002; Голубков М. М. “История русской литературной критики XX века (1920–1990-е гг.)”. М., 2008” и др. К моменту оформления материала для начинающих свой путь в науке филологов он неизбежно схематизировался и упростился. В результате в чистом остатке студенты российских университетов получили следующее. Признавая, что “власть формировала из критики мощный инструмент, который давал возможность партийно-государственного руководства литературным процессом”², автор пособия отмечает отличие раннего периода от последующих: “Двадцатые годы характеризуются как полицентрический период литературной жизни. <...> Литературный полицентризм оказывается возможным потому, что в этот период противодействуют две тенденции: свободного диалога, естественного для развития критической мысли – с одной стороны, с другой – постепенно усиливающегося давления государства с целью монологизировать литературу и придать ей идеологическую и агитационно-пропагандистскую роль”³. В соответствии с названными тенденциями выделены два полюса 1920-х гг.: “На одном догматически понятый классовый подход, возведённый до истерии классовой ненависти, насилие над литературой и личностью – личностью художника, писателя, героя. На другом – искусство как цель жизни художника, оправдывающая его общественное бытие”⁴. К “другому” полюсу относятся прежде всего “Серапионовы братья” и “Перевал”. “Нервом литературного процесса XX столетия” названы “отношения власти и литературы, политики и художественного творчества, властителя и художника”⁵.

Романтический облик серапионов и перевальцев – общая черта многих научных работ и пособий. Читаем в “Истории русской литературной критики”: “Серапионовы братья” – необычная и яркая страница литературной истории. В пору жесточайшего голода и бытовой разрухи молодые писатели весело и бескорыстно ежечасно доказывали свою любовь к литературе. Живя в одном городе, а иногда и по соседству, буквально через стенку, они любили обмениваться письмами, каждое из которых по традиции начиналось словами: “Здравствуй, брат! Писать очень трудно”. В этом трогательном приветствии была заключена и преданность литературе и понимание своей ответственности перед ней”⁶. Справедливости ради отметим, что ни одно из писем К. Федина, Вс. Иванова, В. Каверина, Л. Лунца, М. Слонимского, включённых в издание “Серапионовы братья в зеркалах переписки” (М., 2004), так не начинается. “Серапионы! Вернее Федин и другая мелочь, которая торчит в Питере”⁷ (Лунц – серапионам. 10 июля 1923 г.) – стиль более характерный для самых молодых, Лунца и Каверина. Остальные писали просто: “Дорогой Костя (Миша, Лева, Всеволод и др.)”. Братская любовь некоторых серапионов тоже вызывает серьёзные сомнения. Чего стоят, например, характеристики в письме В. Каверина Л. Лунцу от 14 декабря 1923 г.: “О Никитине нечего писать. Он испаскудился, заложил себя как дурак за пустой успех и ужины в ресторанах”⁸; “...у меня хватает ещё злости, чтобы наплевать на проклятую размазню Пильняковщины и Ивановщины”⁹. и т. п. Однако эти факты, как и

другие, более существенные, остались за рамками исследований: речь ведь шла об “интеллигентах”.

В свою очередь, противники – пролетарские писатели и критики нарисованы самыми чёрными красками. Как правило, в роли ругательного выступает слово “масса” – “широкие слои трудящихся, население, народ”. Такую сноску на Словарь русского языка (В 4 тт. М., 1982. Т. 2. С. 233) дают, не без некоторого цинизма, авторы коллективного труда “История русской литературной критики”, чтобы у читателей не осталось никаких сомнений в том, кто был главным виновником сложившейся в литературе ситуации. “Массы народонаселения”, пришедшие после Октября “в активный водоворот”, “жаждали ощутить себя хозяевами жизни. Они немедленно хотели получить не только углы в дворянских особняках, не только занять места в управленческой сфере, но и принять новый образ жизни, в которой новый быт будет сочетаться с новым сознанием”¹⁰. Они же создали “массовые литературные организации” – МАПП, ВАПП, РАПП. Думается, не случайно эпиграфом ко второй части книги Н. В. Корниенко “Нэповская оттепель” поставлены слова А. Платонова из романа “Котлован” (1930): “Эх ты, масса, масса! Трудно организовать из тебя кулеш коммунизма! И что тебе надо, стерве такой? Ты весь авангард, гадина, замучила!”. Насчет авангарда, кстати, из того же пособия наиболее любознательные студенты могут узнать, что Л. Троцкий создал “оригинальную классификацию литературного процесса”, что в термин “попутчик” он вкладывал “вполне позитивный смысл” и что его литературно-критические суждения “достаточно корректны и исполнены надежды на приобщение попутчиков к революционному пафосу”¹¹.

В книге Н. В. Корниенко практически впервые рассматривается “интертекстуальное поле критики” 1920-х гг.. В результате оказывается, что борцы за гуманизм и подлинное искусство в решении ряда существенных вопросов (о литературе эмиграции, о религиозной парадигме русской классики и др.) парадоксально смыкались со своими противниками, и **каждый** критический лагерь предлагал свою модель “модернизации самого здания русской литературы как литературы национальной”. Направление модернизации было задано Л. Троцким в 1922 г.: “Социалистическое искусство возродит трагедию. И, конечно, без бога. Новое искусство будет безбожным искусством. Оно возродит также и комедию, потому что новый человек захочет смеяться. Оно даст новую жизнь роману. Оно даст все права лирике...”¹².

Приведём лишь один пример из книги “Нэповская оттепель”. В главе “Идеология или сюжет? (Серапионы-критики в литературно-политической борьбе первого периода нэпа)” Н. В. Корниенко ставит широко известные, трактуемые в постсоветское время однозначно как диссидентские выступления серапионов о свободе от идеологии, об автономности искусства в иной, по сравнению с привычно филологическим контекст.

Скупым языком газетной хроники перечисляются факты:

“Август 1922 г., когда вышел в свет журнал “Литературные записки” с серапионскими материалами, был, как и август 1921 г. (смерть А. Блока, расстрел Н. Гумилёва), чёрным для литературной общественности Петербурга. Завершился начавшийся в мае суд над митрополитом петроградским Вениамином и его паствой. 8 мая исполком Петросовета принял решение о вскрытии мощей святого князя Александра Невского в Троицком соборе Александро-Невской лавры <...>. С 9 мая “Петроградская правда” в специальной колонке “Суд над церковниками” сообщала каждый день о работе революционного трибунала, обрушивая на читателя потоки лжи: “Это суд над старой церковью, крепко спаявшей себя с российской контрреволюцией, суд над церковью, которая после разгрома белогвардейщины продолжает под сенью креста контрреволюционную работу Колчака и Деникина (9 мая. С. 1.) <...> 6 июля “Петроградская правда” извещала читателей о вынесенном трибуналом приговоре: к высшей мере наказания были приговорены 2 человека. В ночь с 12 на 13 августа митрополит Вениамин был расстрелян. <...> В подобной же стилистике освещался и процесс эсеров. <...> 7 августа поздно вечером, на 49 день процесса, верховный трибунал объявил приговор по делу петербургских эсеров (суды над эсерами шли не только в столицах, но и в других крупных городах)”.

Далее рядом поставлены фрагмент из выступления главы питерских большевиков на пленуме Петросовета 29 августа по вопросу идеологии:

“По отношению к буржуазным интеллигентам мы избрали самую гуманную меру, мы их выслаем и говорим: “Идите в “страны свобод”, где, по вашему мнению, интеллигенция в почете и фаворе. <...> ...значение акта, предпринятого против части интеллигенции, можно кратко сформулировать словами, что — “кто не с нами и не хочет помогать возрождению России, тот против нас””, — и фрагмента из статьи теоретика “Серрапионовых братьев” Л. Лунца “Почему мы Серрапионовы братья?” — декларации группы:

“Мы собрались в дни революционного, в дни мощного политического напряжения. “Кто не с нами, тот против нас!” — говорят нам справа и слева. — С кем же вы, “Серрапионовы братья”? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции?”

С кем же мы, Серрапионовы братья?

Мы с пустынным Серрапионом”.

Комментарий Н. В. Корниенко: “В этом контексте чаще всего цитируемые строки из статьи Лунца обрели своих адресатов не только в недавнем прошлом, но и в гущем политическом настоящем и звучали не столь героически, как принято считать”.

Столь же удивительным образом авангардные литературные идеи серрапионов пересекаются в конце 1922 г. с программой модернизации всего здания русской истории и русской культуры, выдвинутой большевиками и активно проводимой в жизнь Наркомпросом и другими государственными институтами. Вновь рядом поставлены факты и указаны даты. Доклад Н. Бухарина на 5 Всероссийском съезде комсомола “Коммунистическое воспитание молодежи” (опубликован в “Правде” 14 октября) положил начало дискуссии о “красном Пинкертоне”, то есть советской авантюрной литературе. А 2 декабря на собрании серрапионов Л. Лунц выступает перед собратьями с новой масштабной программой, впоследствии изложенной в статье “На Запад!”:

“На Западе искони существует некий вид творчества, с нашей русской точки зрения несерьезный, чтобы не сказать вредный. Это так называемая литература приключений, авантюра. <...>

А мы, русские, с фабулой обращаться не умеем, фабулы не знаем и поэтому фабулу презираем. <...>

Тот, кто хочет создать русский авантюрный роман, должен учиться на Западе, ибо в России учиться не у кого”.

Комментарий: “Лозунгом “На Запад!” обозначается главное направление поисков для новой русской литературы. Это направление, по Лунцу, открывает резервы для новаторских экспериментов в прозе, прежде всего в области фабулы, и одновременно разывает с “общественнической”, “учительной” традицией, которая стоит за русским романом XIX века. <...> Вдохновенный гимн фабуле сопровождается у Лунца тонкой перекодировкой ценностей русской классической литературы: вместо учительности — занимательность; вместо серьезности и скуки — игра и мистификация; вместо тяжелого русского психологизма, лирической обнаженности и вязки “тяжелых слов” — увлекательная фабула и интрига; вместо автора — его маски, ирония и пародия”.

Сюжетно-фабульная революция серрапионов — переделка русской литературы по модели западной, традиционно трактуемая как оппозиционная по отношению к диктату власти, как убедительно показывает Н. В. Корниенко, оказалась близка именно этой власти, “озабоченной (по своим причинам) вопросами преодоления идеологии русской классической литературы” и построения здания новой интернациональной культуры. В рамках развернувшейся дискуссии об общечеловеческих сюжете и фабуле, преодолевших национальный психологизм, быт и подобные анахронизмы (в книге приводятся фрагменты статей представителей разных литературно-критических школ), парадоксально близки друг другу оказываются те, кто традиционно стоял по разные стороны баррикады: серрапионы и — лефовцы, серрапионы и — напостовцы.

Эта неудобная интертекстуальность прошла незамеченной для исследователей. Так же, как “несвоевременными” для апологетов группы, не без иронии отмечает Н. В. Корниенко, оказались мнения тех, кто выступил с жесткой критикой сюжетной кампании, — А. Белого, М. Кузмина.

Роль выводов к главе играют фрагменты из периодики 2-й половины 1920-х гг., посвященные серрапионам. Приведем лишь один из них:

“Серрапионы выполнили обещание, которые за них давали другие. Их приняла эпоха. Они оказались близки ей и созвучны. <...> Их связывает совме-

стный пятилетний путь”, — так отметила петроградская “Красная газета” 11 февраля 1926 г. пятилетний юбилей группы “Серапионовы братья”.

В центр второй части книги “Нэповская оттепель” поставлен крестьянский вопрос эпохи нэпа, традиционно остававшийся на периферии исследовательских работ. По утверждению Н. В. Корниенко, этот вопрос — центральный в литературном процессе 1920-х гг. и в политическом плане (“определил наступление первой советской оттепели” и “оставался главным до 1928 г., когда, по сути дела, и начался “год великого перелома””), и в плане литературном (“генерация писателей, вступивших в литературу после революции, имела в основном крестьянскую родословную”). Рассматривая разные его контексты, автор книги и здесь опирается на аналитическую хронику. Партийно-политическая и литературно-критическая линия на “раскрестьянивание”, на уничтожение русской деревни, “остававшейся главным тормозом советизации страны”, показана в книге на широком материале. Это статьи и выступления В. Ленина, Л. Троцкого, Н. Бухарина, М. Горького и представителей разных лагерей литературной критики, которые были ориентированы на борьбу с “новокрестьянскими” (Н. Клюев, С. Клычков, С. Есенин) и “мужиковствующими” (Б. Пильняк, Вс. Иванов) писателями, в конце 1926 г. вылившуюся в грандиозную, на высоком государственном уровне “антиесенинскую” кампанию. Это государственные проекты по созданию новой крестьянско-пролетарской литературы. И многое другое. “Нешадная борьба” с “идеологией мужикопоклонников и деревнелюбов” (слова М. Горького из письма к Н. Бухарину) — реальный “нерв” оттепели 1920-х гг. — является лейтмотивом второй части монографии Н. В. Корниенко.

То, как ответила на эту борьбу большая русская литература, составляет содержание глав второй части книги: “Покрой есенинский мне узок...” Есенин и комсомольская поэзия в 1925–1926 гг.”; “Есенин и “есенинщина” в интерпретации русского романа (“Вор” Л. Леонова, “Чевенгур” А. Платонова)”; “Факт” и образ: шолоховский опыт преодоления канона комсомольско-крестьянского текста”.

Существенную часть книги “Нэповская оттепель” занимает Приложение — “реакция жизни против теории” (А. Григорьев), как определяет его эпиграф. Это прямое, непосредственное слово писателей Советской России, произнесенное в 1926 г. против всевластия критики. В организованной дискуссии о критике, начавшейся в январе 1926 г. в ленинградском журнале “Жизнь искусства” и московском “Журналисте” и продолжавшейся до конца года, приняли участие А. Толстой, К. Федин, Вс. Иванов, Б. Лавренев, Ф. Гладков, И. Оксенов и другие писатели. В диспуте, прошедшем в Колонном зале Дома Союзов 12 февраля 1926 г., — М. Булгаков и В. Шкловский. В диспуте в Союзе писателей в мае и июне 1926 г. — Ф. Сологуб и Е. Замятин. Кроме прозвучавших во всеулышание выступлений, некоторые остались неопубликованными — например, статья А. Платонова “Фабрика литературы” (1926). Все эти материалы в хронологическом порядке представлены в Приложении.

Высокий статус литературной критики был закреплён в 1925 г. резолюцией ЦК РКП (б) “О политике партии в области художественной литературы”, 12-й пункт которой звучал так: “Ни на минуту не сдавая позиций коммунизма, не отступая ни на йоту от пролетарской идеологии, вскрывая объективный классовый смысл различных литературных произведений, коммунистическая критика должна беспощадно бороться против контрреволюционных проявлений в литературе <...> и в то же время обнаруживать величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем литературным прослойкам...”. В 1926 г. все выступившие писатели высказали единодушное желание освободиться от партийно-государева ока. “Оппозиционность писательских выступлений, — комментирует Н. В. Корниенко, — разного масштаба. На открытый бунт <...> решились единицы, да и то не на предоставленных для дискуссии страницах “Журналиста” и “Жизни искусства”, а в непечатных документах (дневниках, письмах) и, конечно, в творчестве”.

Уникальные материалы книги “Нэповская оттепель” — две статьи писателя Пантелеймона Романова (1884–1938) “К движению и неподвижности” и “Эпоха и писатель”. В Приложении по авторизованной машинописи из РГАЛИ печатается первая, неопубликованная редакция статьи “К движению и неподвижности” (1926), написанная, видимо, как ответ перевальскому критику А. Лажневу. Остроумно и дерзко выстроенная, она бьет по болезни — общей,

как указывает П. Романов, всем направлениям советской критики: и тем, которых постсоветские исследователи причисляют к защитникам “свободного диалога”, и их противникам. “Надо читателя ориентировать — и ориентировать *немедленно* — в многообразной массе художественной продукции”, — эта фраза критика Лежнева становится предметом размышлений писателя, который, не без насмешки перечисляя многочисленные методы разных критических лагерей: “...сколько методов!... И социологический, и публицистический, и психологический, и формальный”, — в итоге приходит к выводу: “...сейчас нет знания тех процессов, через какие проходит мысль при *выборе* жизненного материала и превращения его в художественный”. Нет того “религиозного”, как называл его писатель XIX в. Л. Толстой, или “общего”, как его называет в Советской России в 1926 г. писатель П. Романов, сознания, которое “охватывает всю жизнь” и является той *неподвижностью*, которая “определяет вторичие” и отличает “добро от зла”.

Фрагменты второй статьи П. Романова “Эпоха и писатель” (1929–1930), которая так и не была опубликована (печатается по машинописи из РГАЛИ), приводим без комментариев:

“Свободен ли у нас писатель?

Нет, не свободен.

Кто мешает ему быть свободным?

Цензура, читатель и критика. В общем это составляет — требования эпохи. Эпоха заставляет его быть не свободным.

Наша эпоха, как ни одна, как ни одна эпоха раньше, давит на писателя. Она хочет, чтобы писатель выполнял её заказ. <...>

И тот писатель, который наивно поддастся этому требованию и будет служить только ей, окажется, что он тянет одну ноту с другими десятками и сотнями старательных. Они образуют хор, от которого ухо читателя устанет уже через год.

Писатель должен победить эпоху, сделав её материалом для себя. А иначе он не став сам её материалом.

Служа ей, он должен сопротивляться ей, и из этого сопротивления родится прочная ценность. Из хора безликих наивных усердных исполнителей заказа останется только одно лицо смельчака и упрямца.

Служить эпохе часто значит морально жить на готовом, в духовной богдельне, не производя ничего от себя. Таких трутней в каждой эпохе невероятное количество. Они на первый взгляд кажутся неутомимыми работниками и создателями новых ценностей эпохи. Они кажутся голосом эпохи.

Но всё проверяется временем. Их забывают через год-два.

Неблагодарность?

Мудрая справедливость.

Они были не голосом эпохи, а её подголосками. Великие эпохи не любят льстецов. Хотя бы и искренних, хотя бы и усердных. Они, прежде всего, требуют реальной ценности, которую даёт человек”.

Заключение книги Н. В. Корниенко, в соответствии с законами жанра, содержит выводы и обобщения, обоснование методологии, слова благодарности отечественным и зарубежным исследователям-предшественникам, и т. п. В противоречии с законами жанра научной монографии находятся только “детские вопросы”, которые автор ставит перед читателями, прежде чем они закроют книгу. Один из этих внешне наивных вопросов нам хотелось бы процитировать в заключение рецензии:

“Как так получилось, что революцию 1917 г. и красный террор русская интеллигенция не примет (это публично признавали все лидеры партии), а в “год великого перелома” — “второй большевистской” революции, только единицы из армии писателей советской России скажут “нет” и литературе, занятой в эти годы новыми дискуссиями, и творцам коллективизации с миллионными раскулаченными и уничтоженными “мужиков”. <...> Можно обратиться с этим же детским вопросом к 1933 г., там тоже зияет пропасть между просто жизнью (массовый голод) и оттепельной литературной жизнью после закрытия РАППа <...> к 1937 г., к дискуссиям о критике 1940 г.”

Такой же незамысловатый вопрос можно адресовать и нам — писателям, филологам и критикам 2010 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Б е л а я Г. А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М., 2004. С. 14.
- ² Г о л у б к о в М. М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М., 2008. С. 11.
- ³ Там же. С. 17.
- ⁴ Там же. С. 90.
- ⁵ Там же. С. 4.
- ⁶ История русской литературной критики. Под. ред. В. В. Прозорова. М., 2008. С. 272–273.
- ⁷ Серапионовы братья в зеркалах переписки. М., 2004, С. 128.
- ⁸ Там же. С. 223.
- ⁹ Там же. С. 224.
- ¹⁰ История русской литературной критики. С. 261.
- ¹¹ Там же. С. 277–278.
- ¹² Т р о ц к и й Л. Литература и революция. М., 1991. С. 189.